

Светлана Смирнова

ТРИНАДЦАТЫЙ

Светлана Смирнова

Тринадцатый

«Издательские решения»

2014

Смирнова С.

Тринадцатый / С. Смирнова — «Издательские решения», 2014

Реальная мистика существует, независимо от людей. Мы, Люди, не замечаем ее из-за животного страха.

Содержание

Пират	7
Распределение	9
Сектор отдыха	11
Отпуск	12
Энск	16
Алёнушка и Иванушка	18
Энск	19
Алёнушка	20
Меченый	21
Отпуск	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Светлана Смирнова

Тринадцатый

*Реальная мистика существует, независимо от людей.
Мы, Люди, не замечаем её из-за животного страха.*

Заседание небесной канцелярии длилось несколько часов подряд. Каждое распределение отнимало уйму времени. Одни Души требовали заслуженный отпуск. Вторые – замену Судьбы. Были и такие среди Душ, которые сами просили утилизации. Кому – то хотелось получить повышение по Душевной Лестнице.

По вторым дням святейшей недели, каждое назначение шло с ходатайством. Особенно тщательно рассматривались дела с правильно составленным прошением. Сначала, Высшее Душейство смотрел на оттиск мантии, внизу листа, а затем, на заявлении Души. На заявление всегда приятно видеть оттиск знакомого, родственника или ученика. В этот раз знакомых оттисков было предостаточно. Да и хороших мест, в плане распределения, тоже. Листая заявления, Душейство улыбался. По нимбу искрился лимонный оттенок. Скопище секретарей, сидящих по обе стороны на длинных скамьях, облегченно вздыхали. Вдруг, нимб Душейства окрасился в багровый цвет.

– Это что за мерзость? – Гаркнул Высший.

Он брезгливо наморщил нимб, и, со всего размаху шлёпнул на стол заявление. Мгновенно вся секретарская рать зависла над столом. На огромном белом столе Душейства распласталось крохотное заявление Души за номером 13131313—13. Составлено оно было не по правилам, с ошибками и ходатайства не имело. Внизу заявления, вместо оттиска светилось неприличным цветом жирное пятно. Все присутствующие замерли.

– Это что? Мы вас спрашиваем! – Повторил вопрос Высший. Вопрос завис над столом чёрными брызгами, требуя ответа. Ответ на себя принял пятый клерк небесной канцелярии. Ему нужен был шанс для повышения и этот шанс в данную секунду витал в воздухе. Цепким крылом пятый сцапал зависший шанс, быстро спрятал под мантию и доложил.

– Извольте выслушать, Ваше Душейство. Сиё заявление написано Душой за номером 13131313—13. Данная Душа прибывала в образе и подобии тростника 33 года помноженного на два тысячелетия. Обучения не проходила, в человеческом теле не состояла. Три года отбыла не предусмотренный срок в теле кота. Осмелюсь доложить, по вашему личному распоряжению, так как тело кота...

– Пирата? – Поинтересовался Высший, довольно улыбаясь. Он никогда не забывал свои мелкие добрые деяния. У покровителей, считал Высший, всегда должно быть в запасе пяток-другой добрых дел, что бы суметь подчеркнуть свою широту мантии, перед подчиненными.

– Да, Ваше Душейство, – кота Пирата. По истечению срока, – три года, – тело было списано. Тринадцатому назначено явиться сюда. Не извольте гневаться, Ваше Душейство, он просто неуч. Где ему тростнику получить ходатайство. Вот его личное дело. – Клерк сунул под нос Высшему тонкую папку.

– Ни одного знакомства, даже бабочками брезговал. – Отрапортовав, клерк занял своё место. Высший ещё несколько минут переливался недовольными цветами, скорее для поддержания дисциплины. Затем, отпихнув от себя папку, устроился поудобнее в кресле, и начал читать лекцию «О недоработке небесной канцелярии в вопросах повышения самовоспитания».

Гроза пронеслась мимо, секретари успокоились. Лекция длинная, можно отдохнуть, главное не захрапеть.

Так же бесстыдно и с храпом, за дверью канцелярии спала Душа за номером 13131313—13. За долгие века своего существования она не привыкла проводить время в приёмной небесной канцелярии.

Тем более что приёмная не отличалась комфортностью: старые качели, узкие проходы, шум, духота. Душам буквально приходилось парить друг над другом. Все нервничали, толкались, переливались разными цветами, но старались не шуметь. Комиссия шума не терпела и могла прекратить работу на неопределённый срок. Отлучаться из приёмной, по своим делам было строго запрещено и наказуемо. Душу не исполняющую правила отправляли в восьмой отдел, называемый на земле просто «адам». Из восьмого отдела не возвращались. О пребывании в «аду» ходило много страшных историй. Эти истории крепко поддерживали дисциплину на небесах. Самым страшным для любой души было проклятье «сгоришь в аду». Поэтому души, покорно сидели в душевной приёмной и ждали распределения.

13131313—13 – спокойно спал. Его не будили укоризненные взгляды и невежливые толчки. Перед новым назначением надо отдохнуть. Жизненный последний путь, выпавший внезапно на его душу, он считал не справедливым. Тринадцатый приготовил красочную речь протеста в свою защиту. Без его согласия, душу всунули в ободранного сибирского кота. Никто не обратил внимания на годы безупречной работы, на заслуги перед небесами. Не получив заслуженного отдыха, ему надлежало жить в искалеченном теле. Больше всего в этой ситуации его возмущал тот факт, что в тело он попал без соответствующей подготовки, первый раз. Много столетий подряд, Тринадцатый был простым тростником. Из года в год ранняя весна наполняла его семя живительной влагой, к середине лета тростник вызревал, к концу осени бросал новые семена в землю. Душа продолжала своё земное существование в корне. Зимой корень спал под большим снежным сугробом, ожидая весны, что бы начать всё сначала. Ничто не тревожило Тринадцатого на протяжении многих веков. Сколько точно он существует на белом свете – неизвестно. Учёт ведет небесная канцелярия, тростнику это не важно.

– «Да и зачем считать время? Мне и так хорошо. Светит солнышко, всего вдоволь, меня никто не трогает, я никого не трогаю. Что ещё для жизни надо? Ничего». Он презирал Бабочек – однодневок за их суетливость. Лягушек за беспричинное кваканье. Комаров за – бесконечный зуд. Ни с кем знакомств не заводил, ни кому не кланялся. Он просто жил, выполнял свою работу. Но в одно летнее утро его дело попало на стол клерка из небесной канцелярии. Болото осушили, перепахали, тростники погибли. Тринадцатому надлежало явиться на небеса за новым назначением. Вот тут– то и произошли события, которые потрясли Тринадцатого. Не успел он взлететь и оглядеться, как его всунули в тело, полумёртвого старого кота.

Пират

Коту Пирату шёл двенадцатый год: зубы давно источились, шерсть на впалых боках висела клоками, глаза слезились. Давно бы уже он отдал Всевышнему душу, но у него была бдительная хозяйка – баба Фрося. Ни за какие богатства мира не поменяла бы она своего единственного «сына Пиратика». Баба Фрося была полуслепой, набожной старушкой. Последние годы жизни она посвятила коту. Поила только молоком, кормила только рыбкой и выводила гулять сама. Часто брала кота в гости к соседкам, где бдительно следила, что бы, его никто не посмел обидеть. Для старой, облезлой, домашней скотины – житьё кота – считалось земным раем.

Кто объяснит, что толкнуло Пирата, подняв хвост, побежать под проезжающий грузовик в одну из очередных прогулок. Смерть кота сразу бы убила бабушку Фросю. Когда она увидела искалеченное тело своего любимца, сердце её остановилось, и в эту страшную секунду бабушка обратилась с мольбой к Всевышнему. Всевышний, не занятый важным вселенским вопросом, что бывает очень редко, – её услышал. Был спешно отдан приказ: «Просьбу удовлетворить». А так как Тринадцатый парил без работы, послали его. Правда, в канцелярии назначили расследование.

Самоубийство дело подозрительное, и, к тому же, душе кота было отмерено пятнадцать лет жизни.

Расследование затянулось на длительный срок. В конце процесса, адвокат самоубийцы произнёс оправдательную речь и душу – оправдали. Был вынесен приговор: Душа не виновна, тело само решило себя уничтожить. Предшественника отправили на заслуженный отдых, а Тринадцатому надлежало ещё три года проработать котом. До окончания земного пребывания службы души бабушки Фроси. Эти три года стали для Тринадцатого кошмаром. Бабушка Фрося быстро оправилась от удара, но прогулки раз и навсегда были отменены. Пирата любовно заточили в одной из многочисленных комнат коммунальной квартиры.

Никто не спорит, тело было старым, но душа-то была новая, молодая. И на удивлении бабушки Фроси, Пират завёл новые привычки. Сразу же после выздоровления, отказался от молока и рыбы. На третий день голодовки, бабушка поплакала и купила колбасу. Вегетарианцу – тростнику еда пришлась по вкусу.

Соседкам поведения кота бабушка Фрося объяснила на свой лад: – «Видно хорошо его шандарахнуло». Гладила Пирата по спине и добавляла: – «Главное при мне остался. Есть Бог на свете». «Есть, есть!» – ехидно поддакивал про себя Тринадцатый и старался побольше укунить старушку за руку сточёнными зубами.

Так пролетела зима. Пират её проспал. А что ему ещё было делать? Ловить мышей? До такого неприличного поведения он не опускался. Но с приходом весны начался кошмар. В душе кота, что – то проснулось и забурлило. Пират с трудом запрыгивал на подоконник и всю мартовскую ночь слушал песни соседских котов. Если старушка закрывала форточку на ночь, он начинал ей мстить. Голосил всю ночь, обзывая хозяйку страшными словами, на свой кошачий лад. Пират не прекращал свои рулады, пока не начинали возмущаться все жители огромной коммунальной квартиры.

Бабушка под напором соседей открывала форточку. Тринадцатый понимал, что поступает не правильно, но ничего не мог с собой сделать.

Его манила неизведанная жизнь, непонятные запахи, шум и крики соплеменников за окном. Он, то мяукал, то старался прыгнуть на настенный ковёр, то катался по истёртому половику.

А, когда, Пират стал ставить метки, что не делал уже года два, бабушка накинула на голову чёрный платок, взяла из копилки деньги, отложенные на смерть, и исчезла на целый

день. Вернулась она только к вечеру. Довольная старушка вошла в комнату с пузырьком в руке. Долго хозяйка сидела на стуле, глядя в одну точку. Пирату было скучно целый день без бабушки, и он заскочил к ней на колени.

– Ага! Вот ты голубчик и попался! Счас, счас, мы с тобой разберёмся, перестанешь меня пугать, да со свету сживать. Стыд – то, ведь от людей, какой. Тебе ведь, Пиратушка, тринадцатый годок пошёл, не видишь ничего, ели ноги передвигаешь, а туда же на крышу собрался. Не стыдно тебе? Она шершавой рукой гладила его по седой шерсти.

– Что сам пришёл – хорошо. Значит, не всё у нас с тобой потерянно. Значит, вылечу я тебя. Старушка, что было сил, скрутила Пирату хвост. От неожиданности и боли кот дико замыкал, оскалив пасть. Другой рукой бабушка проворно влила всё содержимое небольшого пузырька в открытую глотку кота. Затем, отбросив пустой пузырёк, быстро сомкнула кошачьи челюсти, и как он не вырывался – руки не разомкнула. Пирату ничего не оставалось, как проглотить влитую горькую жидкость. Он ещё некоторое время поборолся с бабушкиным произволом, но через час в маленьком кошачьем сознании появилась истома и умиротворение. Душа ни куда не рвалась, ей ничего не хотелось. Пират ощутил все свои тринадцать лет. Остальные два года он безропотно терпел бабушкину любовь и заботу. Стал лакать молоко, есть рыбу и провожать хозяйку из комнаты на кухню и обратно. Пират был образцовым котом.

И только одна мысль иногда выплывала на поверхность его кошачьего ума: «Я ведь совершенно ничего не познал. А хотел, очень хотел». Пират жмурился и больше всего на свете в эту минуту ненавидел свою хозяйку.

Душа переворачивалась в старой шкуре от несбыточных желаний. «Нет, нет, я ни когда больше не соглашусь на такую работу! Хочу обратно...» – куда «обратно» он вспомнить не мог.

Пират со смирением встретил смерть хозяйки. Поплакав два дня – на третий окошел. Душу хозяйки, впоследствии, он ни когда не встречал, да и не стремился к этому. Тринадцатый друзей не имел, врагов не нажил. Был, правда, один летун, тот который бросил Пирата, но этот тип хорошо маскировался, его трудно было поймать. Такими делами, как самоубийство без должного на то разрешения, а не по своей прихоти, не хвастались. Тринадцатый считал его своим личным врагом.

Распределение

Из канцелярии, весь, сияя, вылетел очередник. Он извивался и парил в неестественных позах. Его ходатайство утвердили.

– И по секрету скажу, Его Душейство сегодня в настроение. Так смеётся, хи-хи, прямо бальзам на мантию. А как шутит, как шутит, вам бы у него поучиться.

Счастливчик щелкнул по нимбу Тринадцатого и хохоча вылетел из приёмной. Сразу же над дверью канцелярии замерцало табло: «Не шуметь».

От щелчка Тринадцатый проснулся, зевнул, чертыхнулся и замер. Табло, фыркая и искрясь, выдавило его номер. Он быстро начал разглаживать мантию и уже собирался поправить нимб, как неведомая сила, одним рывком всосала его в кабинет.

Кабинетом, где заседала комиссия, называлось огромное пространство, очерченное двумя рядами парящих чиновников высокого ранга. Во главе всех, выше нимба на два, парило Его Душейство.

По всему пространству, словно рекламное панно, колыхались транспаранты с цитатами из речей Самого. Ярче всех был выведен самый любимый лозунг Душейства: «Души прекрасные порывы!» Каждый входящий понимал его на свой лад, и чаще всего это понимание зависело от сути дела решаемого в этом кабинете. Тринадцатый воспринял его, как угрозу.

– Ваше Душейство, перед вашим взором душа за номером 13131313—13. Разрешите зачитать несколько строк из персонального дела?

Зачирикал пятый клерк низшего сословия, лишь только Тринадцатый влетел в кабинет. И, не дождавшись разрешения, он начал оглашать скудное досье.

– Прошу так же обратить внимание, Вашего Душейства и всех достопочтенных особ, что 13131313—13 ни когда не имел нареканий, никогда не состоял в теле человека, никогда не отбывал отпуска, не проходил подготовки, а так же не имеет ходатайств и просьб.

В кабинетном пространстве зависла тишина безобразного цвета. Тринадцатый взглянул на цвет распластанной тишины и от её вида – поёжился. Клерки и высокопоставленные особы, привычные к данному цвету, вели себя спокойно, чем, ещё больше напугали Тринадцатого. Вся его накопленная Храбрость, выскользнула из мантии и улетучилась в баки сбора ненужных Эмоций. На смену Храбрости под мантию стали набиваться капельки Страх. Мантия, окрасилась в серый цвет. Он ждал грома и молний. Время пробегало по небесной синеве, но гром не гремел, молнии не сверкали. Душейство молчал – Тринадцатый от испуга икнул. По рядам прокатился шелест мантий.

– Ну– с, милейший, что же ты так плохо? – Поинтересовался Душейство, сверля взглядом Тринадцатого.

– Как плохо? – Не понял вопрос Тринадцатый.

– Да вот, без ходатайства, к нам сюда, на приём. Не уважаешь? – И, он обвёл рукавом мантии по кругу кабинета.

Тринадцатый молчал. Последние капельки Храбрости выскользнули из-под мантии. Душейство проводил взглядом, капельки Храбрости и рассмеялся. Из рядов чиновников послышался подобострастный смех.

– Мы, понимаем, тебе пришлось трудно. Не каждый сможет столько лет в одном соку вариться. Но ведь, тростником быть – не в аду чёртом.

По рядам, заглушая писклявый начальственный голос, пронесся уже громкий волнообразный Смех. Каждый нижестоящий клерк не мог смеяться раньше вышестоящего чиновника. Пробежав, как положено по рангу, Смех затормозил около последнего клерка. Клерк от наплыва хохота заекал. Душейство разрешило вволю посмеяться своим подчиненным.

«А у него и правда сегодня прекрасное настроение». – промелькнула мысль у Тринадцатого, – «Надо не молчать, а высказать всё что думаю прямо в нёмб. Кто как ни я сам, – за меня ещё заступиться!» Тринадцатый попытался, расшевелить спрятанные в кармане капельки Отваги, и начал подниматься с неудобного стула.

Небрежным жестом Душейство припаяло Тринадцатого обратно к месту.

– Хорошо, хорошо. Мы видим, что ты на нас сердишься. Но не стоит кипятиться. Молодой ещё, зеленого цвета весь. Мы твои чувства понимаем и сейчас попросим, простить нас стариков. Мы не хотели тебя обидеть. И даже вот что Мы тебе скажем: ты просишь нас об отпуске – пусть будет отпуск. Три луны. Мы думаем, тебе вполне хватит – не уработался. Но вот после отпуска, ты пройдёшь курсы подготовки по полной ускоренной программе. Дальнейшие распоряжения получишь после курсов. Пятый клерк – возмите на контроль.

Душейство некоторое время молча рассматривал Тринадцатого, затем добавил чеканя каждое слово.

– И, никаких тебе больше тростников. Понял? Лети, отдыхай!

Он подождал пока Тринадцатого выдавит из кабинета, сладко потянулся, зевнул и пожаловался.

– Что – то Мы сегодня устали. Скорее бы закончить. Обедать не пора?

– Нет! – Дружно ответили подчиненные.

– Жалко, давай тогда следующего.

Заседание небесной канцелярии продолжалось.

Сектор отдыха

В мантии возмущенных тонов Тринадцатый очутился в приёмной.

– Вот это влип!

Он стоял в приёмной, растерянно махая мантией.

– Даже не выслушали. Да что там выслушали, рта не дали открыть, насмеются только.

Обида большой волной захлестывала Тринадцатого. Всё его существо требовало мести.

Месть не прилетала. Только Обида накипью висела на мантии. Он хотел снова вернуться в кабинет и стряхнуть накипевшую Обиду, но тут кто – то задел его нимбом.

– Эй ты, коричневый, что застрял в проходе? Распределение получил?

– Что? – Не сразу включил своё внимание Тринадцатый.

– Я спрашиваю, распределение получил?

– Да. – Кивнул Тринадцатый.

– Ну и пари отсюда, не мешай другим.

Его вытолкнули из приёмной. На свежем воздухе Тринадцатый пришёл в себя. Он постоял, несколько мгновений вдыхая полной мантией, потом выбрал для полёта нужное направление и отправился к привилегированному сектору отдыха. На протяжении пути Тринадцатый успокаивал себя приятными мечтами.

– Ладно, с начало отдохнём, посмотримся, а потом может быть что – ни будь и придумаем. Кто точно скажет, что нас ждёт впереди? А вдруг и в тростниках появиться дефицит? Никто не захочет, а я сам попрошусь. И снова на зелёное поле, под ласковое солнышко. Только не в человека!

Так рассуждая, он долетел до нужного пространства, в сектор отдыха. На входе в сектор беспомощно трепетала табличка: «Вход только по пропускам».

– Не могут закрепить табличку покрепче. Никому ни чего не надо, безобразия. – Возмутился Тринадцатый и нажал кнопку звонка. Из проёма тут же показалась мантия синюшного цвета.

– Не трезвонь, у нас тихий час. Никакого покоя от вас нет. Распорядок не знают, и прочитать им лень. Прилетают, и трезвонить начинают. Это вы отдыхаете, а я работаю. Давай пропуск.

Тринадцатого такой приём испугал. Он быстро протянул жетон, который ему сунул в мантию Пятый Клерк.

– Ну, вижу, пролетай. Вот там белый проём. Видишь? Лети туда. Там пройдёшь дезинфекцию. Там тебе выдадут дальнейшие инструкции, и укажут качели.

Синюшный смотритель икнул и исчез в своей коморке. Тринадцатый нехотя полетел к указанному проёму.

– Трудно мне здесь будет, да, ладно, потерпим. Он терпел и нам велел.

Тринадцатый оглянулся на коморку смотрителя.

– А ведь он занимается чем – то противоправным.

Отпуск

Законный отпуск каждая душа проводила по установленным правилам, зависящим от статуса души.

Для всех одинаковым был только распорядок: завтрак, обед, полдник, ужин, тихий час и сон начинались по расписанию. Часы совместного отдыха также были определены и строго соблюдались. Все отдыхающие души делились на пять групп: простые смертные, заслуженные смертники, эпохальные, наместники и проповедники.

В группу «простые смертные» входили души, которые отправлялись на землю для отбывания в человеке положенного жизненного срока. Они различались только по подобию. В сущности же, имели все недостатки и достоинства одинаковые с небольшими изменениями в ту или иную сферу чувств. Срок службы исполняли спокойно и трудолюбиво: рождались, учились, росли, создавали материальные ценности, плодились и умирали. А так же, безропотно участвовали в военных конфликтах, когда от них это требовали. Иные совершали героические подвиги, но их храбрость оценивалась только на земле. Каждой душе разрешалось после отработки Судьбы – прощальные девять дней и памятник. По истечению жизненного срока Простые прибывали на отдых, что бы набраться сил и стереть с мантии воспоминания о проделанной работе. По окончанию отдыха каждая из души полностью избавлялась от пережитой на земле судьбы и была готова вновь вселиться в человеческое тело. Душа, относящаяся к разряду – Простой – выполняла свою миссию на земле двенадцать раз. Исчерпав все витки пребывания в теле, душа не оставляла на земле потомства. После двенадцатого захода, прибыв в небесную канцелярию, подвергалась утилизации.

Заслуженные Смертники имели такое название за специфику работы. Каждый смертник становился на земле человеком склонным к суициду, независимо от условий, в которых он проходил свою Судьбу. В основном это были одарённые личности, не получившие должной поддержки со стороны соплеменников. Они направлялись на землю для поглощения одурманивающих средств и брали на себя всю основную массу пагубных веществ распределённых на каждую душу. Борясь со злом, они гибли от зла. Реабилитация смертников, после выполненного задания длилась более длительный срок. Их уважали за трудную работу, но на отдыхе за угрюмое поведение – сторонились.

В третью группу входили самые занудные души – Эпохальные. Они то и причиняли всем отдыхающим огромные не удобства. Выполнив свою миссию на земле один раз, больше назначения не получали. Это были те гении, которые своей гениальностью натворили для человечества много и добра и зла. За деятельность их не могли отправить ни в райские кущи, ни в котлы ада. Вот они и болтались без приюта, живя на скудном казённом попечении, проводя всё своё время в спорах. А доказывать им приходилось многое и в основном друг другу, так как их больше никто не желал слушать.

Из сектора Эпохальных постоянно вылетали неэтичные выражения и угрозы. Смотрители не успевали собирать мелькавшие чувства, разносившиеся по всем секторам. Смыть память Эпохальным было невозможно. Душа металась постоянно: то, ненавидя всех и себя, то, любя себя и ненавидя всех. Главным цветом мантии для Эпохальных был цвет обиды. Их не любили, с ними не дружили, их не уважали. От этого они страдали ещё сильнее. Тем более что по их ряды пополнялись редко.

Наместники и Проповедники не отдыхали в секторе для простейших душ. Им отводились покои на более высоком небесном уровне. По периметру высокого уровня стояла глухая завеса охраны. Что там происходило, и чему обучались души, многие из любопытных знали только понаслышке. Говорить об этом, в душевных кругах, было не принято. Хотя ничего страшного на высшем этаже не происходило. Наместникам в мантии вливали небольшое количество

«Даров Высшего». От чего, на земле они удивляли соплеменников качествами, которые называли паро-нормальными. Одни получали качества видений, другие – слуха, осязания, обоняния, полёта и так далее, тому подобные. Каждый имел свой строгий универсальный набор. Многие сразу же начинали работать по заданной схеме, лишь только попадали в человека. Другие, для большего эффекта должны были пройти через «волшебный» трюк. Но каждый из них выполнял одну простую миссию – будоражить и поражать человеческое воображение.

Проповедникам же доставалось всех больше в их нелегкой и порой неустроенной человеческой судьбе. Выбрав единожды свой путь, они уже больше никогда не могли его изменить. Каждый из Проповедников должен был нести на землю самые чистые и светлые законы – Законы Высшие. Это была самая благая миссия. Миссия выполнялась три раза, в разные эпохи по земному времени. Затем, Проповедники переводились в высший клан, и становились Ангелами-Хранителями Простых душ. На десять простых душ, носящих на земле одно имя, выделялся один ангел-хранитель. Работы было не початый край.

За время непосильного труда, ангелы-хранители сумели добиться лишь одной поправки в их труде: носители одного имени располагались в приближённом месте, что, упрощало работу.

Душам, имеющим в послужном списке нарекания, или носящим звериную шкуру отпуск не полагался, их отправляли на исправительные качели. Только после положенного срока в исправительных заведениях их могли направить на отдых. Так что, в зоне небесного санатория такие души, как Тринадцатый появлялись очень редко.

Так же, в санатории, водилась ещё одна небольшая группа душ – Присматривающие. Группа была не многочисленна и держалась от всех особливо. Те, кто стремился занять рабочие места в эшелонах власти. В секторе отдыха Присматривающие, занимались откровенным шпионажем: выискивали неблагонадёжных, недовольных существующим строем, сеющих смуту в рядах отдыхающих. Они получали отдельный усиленный паёк, в специальном буфете и очень гордились своей работой. Не стесняясь, Присматривающие вклинивались в любой разговор или начинали сами противозаконные беседы, что бы втянуть души в спор, а затем донести на них в соответствующие органы. Новички частенько попадались на их обман, за что шпионы после очередного доклада получали повышение, а обманутые новички отправлялись в исправительные заведения.

Когда все летели на тихий час – шпионы летели на доклад в специальное ведомство. Служба у них была не лёгкая, но власть и привилегии, которая давалась за выслугу, манила шпионов своим размахом.

Конечно же, прибыв на отдых, Тринадцатый всего этого не знал, да и знать не мог. Он был новичком. Стоило ему появиться в секторе, как на него стаяй саранчи, набросились Эпохальные. Для них, жаждущих общения, тихий час не существовал. Каждый из Эпохальных, старался пробиться вперед своих друзей, представиться, зачитать все свои регалии и задать один и тот же вопрос: – «Ну, как там внизу, помнят ли его?» Все друг друга перебивали, отталкивали и старались завладеть вниманием Тринадцатого. Это продолжалось довольно долго.

От такого «приёма» у Тринадцатого посерела мантия. Его спас Гонг объявивший об окончании тихого часа и начала полдника. Увидев Гонг – Эпохальные забыли о новеньком, и полетели к своим местам в столовую. В принципе, получение пищи, было для них единственным развлечением.

Позабыв про дезинфекцию, Тринадцатый полетел за ними, не надеясь на полдник и не представляя, что это такое. Он влетел в столовую после всех отдыхающих. Все аккуратно расставленные скамейки были заняты. Сезон отдыха был в разгаре. Рождаемость на Земле катастрофически понизилась. Политические распри, экономические неурядицы, достижения гинекологов – всё сказывалось на трудоустройстве душ. Но безработные души не отчаивались, вкушая сладостные минуты отдыха.

Тринадцатый медленно облетел скамейки. В самом дальнем углу значился его номер. О нём не забыли. Присев на край, он, по примеру соседей, подключил свой нимб к клапану. Всё его воздушное существо начало поглощать Небесную Благодать. Настрой улучшился, проблемы стекали в отстойники ада. Сладкая истома наполняла нимб, а тщеславные желания побуждали очутиться в теле.

Подача Благодати закончилась так же внезапно, как началась. Первый сеанс был скушан. Тринадцатому надлежало покинуть столовую. Выпорхнув в зону общественного отдыха, он удивился сам себе. Его мечту о зелёном поле и ласковом солнышке безжалостно слили в отстойник ада. Взамен, предлагали совершенно другие жизненные позиции и заставляли принимать их как свои. Значит, вот зачем ему предоставили отпуск? Судьба Тринадцатого определена, думать о возвращении на ласковое поле не следует. За время отпуска ему помогут забыть неосуществимые мечты. Быть ему человеком, стать тем, чего он больше всего боится и не хочет. Тут всё поставлено разумно. К окончанию отпуска он сам будет рваться на землю в человеческий облик. Значит, надо успеть до полного затмения в нимбе у кого – ни будь узнать о жизни в человеке. Как это осуществить он себе не представлял. Там в поле, будучи Тростником, знакомства, заводит, не приходилось.

Здесь, во время полдника, он ощутил на себе ехидные взгляды, от которых холодела мантия, и желание идти на контакт пропадало. Это и спасло его от навязчивых шпионов. Не выманив у Тринадцатого слова, они разлетелись по сектору. Для всех он стал изгоем.

Так незаметно протекли двое небесных суток, включивших в себя два завтрака, два обеда и два полдника. Спать души ложились натошак. В небесной канцелярии не хватало средств – сэкономили на отдыхающих.

Каждый раз отправляясь к заветному клапану Тринадцатый испытывал дрожь, и всем своим существом боролся против затуманивания нимба. С каждым разом ему удавалась это всё труднее и труднее.

На третьи сутки ему было разрешено посещать общественный салон «Интеллектуального общения». Чувство любознательности, так присуще человеческому характеру, который стал не заметно, для Тринадцатого вырисовываться на его мантии, подтолкнуло на посещения салона.

Интеллектуальные беседы, только имели такое громкое название. По своей сущности в них не было ничего общего с интеллектом. Каждая душа считала своим долгом рассказать о подготовительном периоде происходящим с ней в дни отдыха. Это были длинные монологи душ о предстоящей работе на вселение в человека. Здесь обсуждалось различие полов и доходило до оскорбительных выпадов в сторону каждого пола. Те, кто побывали в женском теле, хвалили превосходство женского характера и смысла жизни. Мужская же половина, не упускала своего шанса доказать достоинства существующие в мужской плоти. Главным доказательством в споре с «женской» половиной – для «мужчин» было создание шедевров. Они прочно отстаивали теорию «Мужской Гениальности». Вся теория сводилась к одному – мужчин посылают на землю для создания шедевров. Женская половина, ехидно смеясь, не опровергала их теорию. Они точно знали – не рожали бы женщины мужчин – не было бы и шедевров.

Женщины рожают мужчин, что бы те творили шедевры, зарабатывали на шедеврах деньги и тратили их на женские причуды. Споры проходили в очень оживленной обстановке и иногда даже закачивались всеобщей потасовкой. Безмолвствовали «средние». Им было всё равно. За долгие годы скитаний по людям, они знали на много больше, чем первые и вторые, но молчали. Они участвовали в единственном споре, который мог заинтересовать их – в споре о любви. Средние души утверждали, что в любви женщина получает больше, чем мужчины. Именно в материнстве они находили оправдание этого свойства.

К сожалению, Тринадцатому, не отработавшему ни одной Судьбы на земле в теле, эти разговоры были не интересны. Очень скоро он перестал посещать салон.

В салоне, Тринадцатый сразу же обратил внимание на душу, которая витала особняком от общества. Выбрав подходящую минуту, он подлетел к интересующей его душе.

Меченый, так звали нового знакомого, сразу стал отвечать на «смешные» вопросы Тринадцатого. И, в душевных беседах, рассказал так много интересного, что узнай об этом Душеиство, Меченому бы не поздоровилось.

Энск

Энск был захудалым северным городишком с населением... тысяч жителей. Достопримечательностей в городке не было. Да и не могло быть, поскольку возраст городка исчислялся двумя цифрами. По статистическим данным в Энске было: 36 магазинов, включая лавки, один завод, одна фабрика. Пять школ, два запущенных кинотеатра, пять общежитий и два роддома. Никто не мог объяснить, зачем Энску два роддома, в наше нелёгкое время, когда женщины забыли о своём главном предназначении на этом свете, но никого и не тревожил этот факт. А именно этот факт и привел Тринадцатого в отчаянье.

Стоило раздвоиться, чтобы быть в двух местах в назначенное время. С занятий в школе он помнил, что раздвоение души в последствие приводит к раздвоению личности, потери доверия Святейшего Душеиства – наказание – отправка в Отстой. Страх перед наказанием подхлестнул Тринадцатого. Он со свистом влетел в открытую форточку родильного дома номер один. Из восьми палат – шесть пустых. В остальных двух, маялись три беременные с маленьким сроком, и две счастливые мамы. Медицинский персонал отдыхал, на их лицах сквозило безразличие. Тринадцатый понял – вряд ли, в ближайшие двое суток им выпадет счастье поработать. Не теряя надежду и гонимый всё тем же страхом, он отправился в роддом номер два. Это заведение было ещё меньше и хуже, чем первое. Жители Энска давно забыли убогий роддом, но и там иногда рождались маленькие горожане. Во время прилета Тринадцатого там как раз мучалась бедующая мама.

Её не успели довести до роддома с первым номером. Тринадцатый влетел в замочную скважину и нимб к нимбу столкнулся с неприятной душой.

– Ну, ты, можно поаккуратнее?

Неприятная душа ждала своего мига. Почуввав в Тринадцатом соперника Неприятный, не теряя из поля зрения роженицу, взмахнул мантией.

– Ты кто такой и зачем? Запомни это моё, я первый сюда прилетел. Маши мантией отсюда пока цел, а то я на тебя канцелярским крысам быстро настучу.

Тринадцатый отступил в сторону.

– Тише, дружище, не паникуй. Время пропустишь. У меня просто разведка. Мой час завтра, вот разрядка.

Неприятный глянул на мантию Тринадцатого и порозовел.

– А у меня последние минуты и прощай свободная душа.

– Ты хоть знаешь, кем станешь?

– Не – а! Но это не проблема. Если, что не по мне, только меня и видели.

Неприятная душа радостно захихикала. Только сейчас Тринадцатый понял, почему дал этой душе такое прозвище.

– Бес бы тебя забрал!

Твёрдо высказал своё отношение Тринадцатый. И тут же Неприятного как ветром сдуло. Тринадцатый схватился мантией за нимб.

– Нет, я пошутил, я не хотел. Прости меня Всевышний, пусть он вернётся.

Что – то заурчало, забулькало и Неприятный появился вновь.

– Ты что, дурной? – Заикаясь от пережитого страха, прошипел Неприятный.

– Нет, – стал оправдываться Тринадцатый, – Я, отличник.

– А, ну выметайся или я за себя не ручаюсь. Мне наплевать, что ты, отличник. За такие дела быстро по статье в канцелярию отправлю.

Тринадцатый, не сказав в ответ ни слова, вылетел из роддома. Дела его были плохи. Зацепившись мантией за рядом растущее дерево, он решил отдохнуть. Немного помедитировав в висячей позе, он почувствовал прилив сил, и полетел выполнять заданную миссию.

Энск жил своими человеческими заботами, а Тринадцатый со скоростью звука облетал поочередно улицу за улицей, дом за домом, квартиру за квартирой. Его интересовали только женщины, и только те женщины, которые готовились стать матерью.

Алёнушка и Иванушка

Молодожёны Ивановы, Алёнушка и Иванушка, как и все нормальные молодожены, тоже хотели иметь детей, но не так сразу, как получается у некоторых.

Сначала они решили завести приятный быт: высокооплачиваемую работу, престижную машину, породистую собаку, дачу. В общем, весь ассортимент благоустроенной жизни. А потом, наполнить всё это благополучие детским смехом. Когда, через пять месяцев безмятежного медового месяца, Алёнушка поняла, что ей грозит материнство, она очень испугалась. Её испуг походил на испуг незамужней женщины имеющей на своей шее пятерых детей. Посетив одного врача, который подтвердил её догадки, она пошла к другому. Следующий эскулап понял по лицу пациентки её испуг, и тут же предложил услуги релаксации за скромную сумму. Алёнушка ни когда за всю свою жизнь не посещала двух докторов этой пикантной области сразу. Её замутило, в глазах потемнело. А после минутной слабости, вдруг проснулся материнский инстинкт.

– Нет, никогда! Он или Она – будут жить! Пусть без высокооплачиваемой работы у матери, машины, дачи, собаки – но жить. Ивану я всё объясню. Он меня любит, значит, всё поймёт. Ведь это наш Ребёнок.

Больше Алёнушка не мучила не себя, не докторов. Она готовилась стать матерью. Все её мысли, поступки, слова были направлены только на одно – материнство. Она всё делала вовремя: ела, спала, гуляла, занималась любовью и выполняла каждый день гимнастику для беременных. Её любимый и любящий Ванюша стал будущим отцом. До этой торжественной минуты, по подсчетам Алёнушки, оставалось две недели. Алёнушка поглаживала живот и постоянно разговаривала с дочкой Она на сто процентов верила сама и доказала мужу, что у них будет девочка – Дашенька. В необозримом будущем – Дарья Ивановна.

Уставший Тринадцатый застал Алёнушку за любимым занятием – общении с дочерью – перед зеркалом. Будущая мама мило ворковала с ещё не родившейся дочкой, стоя перед большим старинным трюмо. За её действиями наблюдал довольный муж Ваня. Семейная идиллия витала в атмосфере комнаты, заполнив все уголки.

Срок ещё не наступил, но Тринадцатому ждать было некогда. Кроме Алёны претенденток не было во всём Энске. Надо было действовать. В экстренных случаях правила разрешали идти на компромисс. Подумав, Тринадцатый вынул из мантии приготовленный Компромисс. Попросил у него прощения, и выпустил на волю.

Энск

– Всё – таки Энск жуткая провинция. – Сетовала на город, она душа старого пса, который околел прямо на помойке. – Есть нечего, спать негде, даже укусить некого. Вот и умер, чтоб себя больше не жалеть. Но я не жалею, теперь в люди выйду, а там глядишь, и выше пойду.

– А я так до сих пор и не понял, что в людях хорошего?

– А ты, друг откуда? – Душа околевшего пса подозрительно покосилась на Тринадцатого. – Ты случайно не самозванец?

Тринадцатый понял испуг.

– Нет у меня всё нормально. Вот видишь жетон. Всё честно, всё по закону. И подготовку прошёл, а всё равно не пойму, что в людях хорошего. Носи это тело, носи, словно птица в клетке, а толку никакого.

– Ты не тужи, это бывало не только с тобой. Я, таких чудиков, как ты, уже встречал. Тоже очень обижались на свою судьбу. Был один тип «Обиженный», сколько он подурил, ужас. Ему семь раз плоть надевали, а он, то вор, то наркоман, то солдат для войны, то ещё что ни будь, выдумает. Измаялся весь от заданий, даже жить не хотел. А на восьмой раз его спившимся алкоголиком определили и не большой срок дали. Так он свою душу зельем травить не стал, сдержал себя, а вышел профессором и отработал на полную катушку два срока. Даже мусорщика, сНебесной Канцелярии присылали, что б его угомонить, но ничего не получилось. И ничего ему за такое поведение не было. Сейчас в Канцелярии на видном посту сидит. И почему сразу не догадался?

– Нет, я всё равно не смогу. Видно суждено мне в Отстой отправиться.

Душа старого пса от сочувствия к Тринадцатому покрылась зеленым цветом.

– Не отчаивайся, будь душкой. Ну, мне пора, держи нимб и пока. Может, ещё встретимся?

Он взмахнул мантией и исчез в синеве неба. Тринадцатый с завистью посмотрел в след улетающей душе.

– Сейчас в отпуск отправят, потом определяют куда лучше, куда он захочет, и живи – радуйся. А мне здесь майся.

От воспоминаний, Тринадцатому стало себя опять жалко. Облетев несколько раз вокруг Алёнушки, он решил дать её несколько часов отдыха.

– Пусть поспит часов пять, а там начнём. – Задержал он, Компромисс на полпути.

Алёнушка

Ровно в намеченный срок, Алёнушка проснулась от сильной боли. Компромисс начал работу. Тринадцатый наблюдал за будущей мамой с люстры. Она замерла, полежав с открытыми глазами. Боль утихла так же внезапно, как и началась. Перевернувшись на другой бок, она закрыла глаза и снова постаралась уснуть. Тринадцатого возмутило её поведение.

– Хватит спать, пора рожать!

Сильная боль снова прорезала её. Алёнушка ойкнула и приподнялась на кровати. Муж мирно посапывал рядом. Его очень не хотелось будить среди ночи. Боль снова накатила раскалённым обручем. Алёнушка поняла – её час настал.

– Ванечка, что – то мне плохо.

– Спи, Лёлочка, спи, всё хорошо.

Сквозь сон успокоил Алёнушку муж.

– Да, нет же, мне больно, очень больно.

Алёнушка закусила губу, чтоб не расплакаться. Ваня потянулся, зевнул, открыл глаза и только тогда решил проснуться.

– Что с тобой?

– Да сама не знаю, ещё вечером началось. Схватит и отпустит. Только вечером не так сильно было, а сейчас терпеть не возможно, так больно.

– Тебе же ещё рано?

– Знаю, но схватки не остановишь. Надо одеваться и идти.

– Ну, идти, так идти.

Он взглянул на часы – три часа ночи. И почему это не случилось днём? Ужасно спать хочется. На улице холодно и темно. В мягкой постели – тепло и уютно. Алёнушка, кривя губы от боли, металась по квартире, собирая необходимые вещи. Ваня лениво одевался. Он был занят только собой. Тринадцатый висел на люстре и смотрел сверху на устроенный переполох. Больше всего он испытывал неприязнь к будущему папаше.

– Пошевеливайся, давай, сонная тетеря. Выспался, хватит. Скоро тебе вообще спать не придется.

Совершенно не обращая внимания на Алёнушку, он витал над Иваном.

– Уж я тебе устрою. Не повезло мне с отцом! Маменька ещё ничего, а папенька – репейник. Ой, люди, люди, и за что вам ещё грехи отпускают?

Алёнушка ойкнула, на глазах появились слёзы.

– Вот пень! Хоть бы раз жену пожалел. Ну, помоги ей сапоги застегнуть. Вот так! Как надулся – то, будто подвиг совершил. Теперь ему часок другой отдохнуть надо, весь уработался. Репейник, помоги жене пальто одеть. Проверь, хорошо ли шарф замотан. У, раззява, тебя самого ещё надо воспитывать, а ты туда же – в отцы. Дурное дело не хитрое, на это вы все мастера. Сейчас отвезёшь, сдашь, и спать ляжешь, – большое дело сделал, жену в роддом отвёл. А к вечеру последние деньги пропить побежишь, до икоты напьёшься. Сам я вас в таком виде не видел, но мне рассказывали. Вот налюбуюсь!

В дверь позвонили. «Скорая помощь» приехала оперативно. Через несколько минут Алёнушка, Иван и Тринадцатый были в роддоме номер два. Тринадцатый смотрел на бледное лицо Алёны и вспоминал задушевные беседы с Меченым.

Меченый

– Хочешь, не хочешь, а срок надо отрабатывать.

– Как, ты, сказал? Срок? Почему, срок?

– Нет, у тебя не срок будет, – рассмеялся Меченный. – Это я свою миссию на земле в теле сроком называю. А, ты, цикл проживёшь. Понял? Поэтому, получил распределение – залезай в тело и живи судьбу. Первые две недели трудно, а потом привыкаешь. А как две недели, по земному времени, пройдут – всё забудешь. Только две недели душа себя осознает отдельно от тела, потом происходит слияние и это уже до конца срока. Так что бояться ничего не надо.

– А ты сам, какой раз в тело пойдёшь? Все горазды, советы давать.

– Не груби. Я – Меченый. Мне двенадцать самоубийц обслужить приказано. По верхнему рангу иду, специальное задание. Да, в этом деле я – гений. Гении они все чокнутые. У них, знаешь, как душа болит, потому, что их не понимают простые люди. Меня всего каждый раз так трясёт, что нет сил, держатся, но я держусь, до конца срока держусь. А как срок закончится – ухожу.

– А сильно болит?

Интерес захватил Тринадцатого подкравшись незаметно сзади.

– Поболеешь, узнаешь. А, у гения сильнее болит, чем у простого смертного, особенно когда его не понимают. Или он дошёл до точки – полностью исчерпал себя. Тело своё люди беречь перестают, не спят, не едят, только всякую ерунду в себя накачивать начинают. Начинают сутками напролёт думать, мечтать о несбыточных делах, подвигах, открытиях. Не могут понять, что для рождения новой идеи душе положен отдых. А они, наоборот, по мне ржавой пилой мыслями пилят, и, зельем душу травят, а я рвусь и устаю. Но в этом случае терпимо. От такой дряни я быстро тело сбрасываю. Ещё хуже бывает.

– Куда хуже?

– Ты когда котом был, он валерьянку пил?

– Было такое, в первый год. Сначала, всего обожгло. Потом, сам не знаю, почему всему радовался, как уснул, не помню. А утром плохо было, все тело болело.

– Вот люди тоже пьют, но не валерьянку – зелье похуже. Они зелье в тело вливают, а душа страдает. Сначала, весь свернёшься, потом развернёшься и всё, что угодно тебе по плечу. Настроение отличное, голова отключается, мыслей никаких. Герой, да и только. Такое начинаешь творить – самому страшно, но всё равно хулиганишь.

– А что делаешь, как хулиганишь?

– У кого, на что сил хватает. У многих обиды верх берут – разбираться со всеми начинают. У вторых, детские комплексы говорить начинают, не исполненные желания детства. Третьих на любовь тянет, со всеми подряд. Но бывает, очень много зелья вливают, так много, что душа умирает, а за ней и тело. Если средняя порция – душе и телу плохо, но человек живёт. Маята страшная.

– А если норма? – Поинтересовался Тринадцатый.

– Не знаю, у меня по долгу службы такого не было. Я начинаю рано, постоянно и много. Но, думаю, что всё равно плохо, потому что душа от этого гибнет. Хуже всего, когда сам привыкнешь и начинаешь просить. Трудно выносить муки.

– Муки? Что за муки?

– А, как, ты, думал? В любом организме до последних минут живёт то, что заложено на небесах. Ну, что такое совесть, ревность и все остальные сантименты, ты ещё узнаешь. Пока тебе это не объяснить.

– И, ничего тебя остановить не может?

– Судьба. Мозги зальешь, и спать – впечатление отдыха. Но это не правда. Самый нормальный для человека отдых – здоровый сон. Запомни это.

Рассказы Меченого приводили Тринадцатого в ужас. А, друг по общению, как назло выбирал самые жуткие примеры из своего пребывания в теле.

– Не хочу быть человеком. – Пугался Тринадцатый.

– Не пори горячку, в людской судьбе радостей тоже хватает.

– Радости? Что это такое?

– Сначала, надо себе родителей хороших выбрать. Не поленись, полетай, присмотришься. Найди с родительским стажем. Лучше быть в семье вторым или третьим ребёнком, всего удачнее вторым. Ещё хорошо, когда папенька постарше маменьки. Он уже пожил для себя, опыта набрался, ему семья нужна. Дом, где он будет полноправным хозяином. Он себя отцом семейства хочет чувствовать. Самолюбие – радость для души, о которой я тебе говорил. А если повезёт, то долгожданным сыном родишься. Желание иметь сына породило уйму дочерей. Запомни, каждый отец хочет иметь сына, хотя дочерей любят больше. А знаешь, почему? Потому что каждый подрастающий сын напоминает отцу о его старости. Отцы завидуют своим сыновьям, у сынов всё впереди.

– А матери дочерям?

– И этого хватает. Когда мать дочери начинает по каждому пустяку приставать к зятю. Зять – муж дочери. – Меченый взглянул на синюю мантию друга. Синий цвет обозначил не понимание и растерянность Тринадцатого. – Да, не пугайся, ты, так. Потом во всем разберешься. Но, запомни, чем дальше зять от тёщи или невестка от золовки, тем крепче семья. Человек создан для семьи. Закон природы, если его не выполнять, то жизнь превращается в Отстой уже на земле.

– А маменьку как выбирать?

– При хорошем отце проблем не будет. Маменьку жалеть надо. Она от своих отпрысков очень страдает.

Страдания, о которых рассказывал Меченый, сейчас переносила Алёнушка. Время текло удивительно медленно. Тринадцатый думал, что этот кошмар никогда не закончится. Алёнушку мучили боли, она кусала себе губы и тихо плакала. Ей было стыдно, за причиненные хлопоты медперсоналу в такой поздний час. Тринадцатый не отлучался от Алёнушки ни на секунду.

– Во, терпит! Не знаю пока, что такое боль, но вижу не очень приятная штука. Молодец маменька, я тебя уважаю. А может, пока не поздно отказаться от этой затеи и скрыться? Очень хочется, но от этой мысли так страшно, что мантия сворачивается. Всё равно найдут, и пощадь не жди.

От тайной Небесной канцелярии ещё ни кому скрыться не удавалось. Круговая порука стукачества ценилась и поощрялась в Небесной Канцелярии. За выявленное отклонение от выполнения задания стукачу давали дополнительный отпуск.

– Что же делать? Сколько времени прошло, а я так ни на что и не решился. Смотрю на страдания маменьки и удивляюсь – зачем я ей? Со мной теперь на всю жизнь. Конечно, можно и улизнуть, время хватит – две недели. А если мне понравится? Останусь и начну из маменьки веревки крутить, да нервы ей портить. Жалким котом был и то хозяйку чуть ли не до инфаркта довёл. Тут ведь ни кот, тут ребёнок. Нет, маменька, скорее всего я у тебя долго не задержусь. Поплачешь, погорюешь, а потом нового сыночка родишь. Это дело для тебя скоро привычным станет.

Дверь распахнулась, в палату энергичным шагом вошла акушерка. Она окончательно прогнала от себя остатки сна и теперь была рада поработать. Тем более что роженица, на удивление, была спокойна.

– Ну, милая, ложись, я тебя посмотрю. Долго ли еще нам это терпеть.

Алёнушка покорно легла на кушетку. Её била дрожь.

– Замёрзла? – Участливо поинтересовалась акушерка, одетая в шерстяной костюм под белый медицинский халат.

– Да, почему – то, очень ноги замёрзли. Пить очень хочется. Сестричка, ещё долго? – Через слёзы выдавила из себя Алёнушка.

– Нет, скоро уже начнём рожать. Кого хочешь: мальчика или помощницу?

– Муж мальчика хочет, а мне всё равно.

– Для матери лучше девочка. А мальчишек мамы больше пестуют. Отцы мальчишек хотят только для продолжения фамилии, но любят девочек.

Услышав такие слова, Тринадцатый скатился с покатога плафона.

– Что? Ну, ты даёшь. Не хватает мне ещё бабой стать. Я окрас менять не собираюсь. А не будет, по-моему – улечу. Если девчонку родишь – на меня не рассчитывай. Папеньку – репейника вини, мог бы и парня сделать.

Акушерка внимательно следила за временной продолжительностью схваток.

– Да, девочка для нас женщин лучше. Они к матери ближе, нам помощницы. От девчонок тоже хлопот полон рот, но не таких, как от пацанов. У меня самой трое детей: две дочери и сын. Так я от двух девчонок не так нервничала, как от одного парня.

Алёнушка ахнула от очередной схватки.

– Вот, это хорошо. Время есть, всё успеем сделать. Надевай халат и иди за мной. Не плач, потом на столе покрываем. Это боль терпимая.

Успокоила Алёнушку акушерка, как будто тоже собиралась рожать вместе с ней. Тринадцатый медленно парил из кабинета в кабинет вслед за женщинами. Сначала Алёнушке прокололи вену и взяли кровь. От вида этой процедуры Тринадцатому стало плохо. Он закрылся мантией. Затем акушерка повела Алёнушку на первый этаж. Кабинет, куда влетел Тринадцатый, вслед за женщинами, напоминал тюремный каземат. Кафельный пол, зелено-ядовитые стены и белый потолок действовали на рожениц тонизирующее.

Женщины переставали плакать, схватки учащались, а боль притуплялась.

– Давай, милая, вставай на весы. Посмотрим, сколько тут у нас лишнего веса.

Алёнушка встала босыми ногами на старые весы. Весы жалобно заскрипели.

– Совсем немного. Молодец, не раскормила себя. Слезай и забирайся на кушетку. Посмотрим все ли у тебя готово.

Забыв надеть тапочки, Алёнушка пошла к кушетке. От смущения Тринадцатый повернул ниб к окрашенному окну.

– Ну, вот и все. И это сделали. Теперь всего ничего осталось, и пойдём рожать.

– Да, что ты её всё время понукаешь? Она тебе не лошадь, а моя будущая мама.

Возмутился Тринадцатый, но акушерка конечно же его не слышала. Она набрала в клизму воды. Алёнушка не сводила глаз с огромной резиновой груши. Она слышала о такой процедуре, но никогда в жизни ее не делала. Страх перед действиями акушерки был настолько велик, что она даже перестала чувствовать боль.

– Я сейчас помогу тебе это сделать и уйду. Пойду врача позову. А ты тут сама. Вот тебе новое бельё, переоденешься. За собой все убери, не забудь. Убирать здесь некому. Все сделаешь, поднимешься наверх, я тебя там ждать буду. Ну, ложись.

Акушерка, сделав положенную медицинскую процедуру, ушла наверх. Через двадцать минут за ней поднялись Алёнушка и Тринадцатый. В коридоре их поджидала акушерка.

– Ну, всё, милая, теперь пошли. Ещё один укольчик сделаю, и на стол рожать пойдём. Пройди, милая, в этот кабинет, а я пока свет в операционной включу.

В процедурном кабинете, куда вошла Алёнушка, как было, заведено во всех больницах верхнюю фрамугу окна, держали открытой. Ледяной ветер врвался в кабинет без остановки.

От пронизывающего ветра, Алёнушку стало трясти ещё больше. Тринадцатый услышал стук её зубов.

– Не бойся, мамуля, сейчас разродимся. Родим богатыря, что надо. Вот только уколов, нам делать больше не нужно. Третий укол за час. Так ведь можно и СПИДУ нас отдать. Кто их знает, как у них тут с Гигиеной? А маменька у меня молодец! Жалко с душой её пообщаться нельзя. Хорошая видно душа, как я.

От хвалебных речей о своей душе, Тринадцатого оторвала вошедшая акушерка. Она отлично знала своё дело, игла быстро и безболезненно вошла в вену. От укола Алёнушку бросило в жар.

– Боишься рожать? – Участливо поинтересовалась акушерка. – Не бойся, ни ты первая, ни ты последняя. У нас ещё летальных исходов не было, ни с какой стороны.

На самоуверенное заявление акушерки, Тринадцатый ехидно хмыкнул.

– Могу устроить.

Алёнушку снова скрутила боль. Акушерка погладила её по руке.

– Ну, пойдём, родная, пора. Ещё минут десять и всё закончится. Даже доктор уже пришёл, в операционной руки моет. У нас доктор хороший, умный.

На встречу из родильного зала выкатился маленький, очкастый толстячок, широко улыбаясь вставными зубами.

– Милости прошу! Мы вас только и ждали.

Галантно взяв Алёнушку под локоток, он осторожно повёл её в зал. От возмущения Тринадцатый завис под потолком.

«Вот это да! Вот это прилетели! И здесь не везёт! Это что доктор? Это не доктор, а насмешка над роженицами. Ну, как этот огрызок меня примет? Да его с пола то не видно! Не врач, а издевательство.

Во всём не везёт. Если мне суждено родиться так именно такой доктор, такой роддом и папанька – репейник. Другим всё – мне ничего. А если девчонка родиться, то прошу меня извинить. Несчастливая я душа, несчастная! Время поджигает, а с таким доктором разве во время уложишься?»

Так причитая над своей судьбой, Тринадцатый влетел в операционный зал и остолбенел. На форточке лениво покачивалась ещё одна душа, душа «Неприятный». Услышав шум мантии Тринадцатого, Неприятный соскользнул с форточки и полетел навстречу.

– А, старый знакомый, привет! Видишь, здесь тебе тоже ничего не светит. Отлетай отсюда и как можно скорее, процесс пошёл.

Тринадцатый от такого заявления покрылся бордовым цветом и наскочил на душу Неприятного.

– Это ты отсюда сейчас полетишь. Понял? Это моё! А если не улетишь, пеняй на себя.

Алёнушка негромко вскрикнула.

– Только не надо сцен! Мы с тобой ответственные работники и всегда сможем договориться. Тебе ведь проблем не надо? Не надо! И мне не надо.

– Только посмей! Тебе такое устрою, век из Отстоя не вылезешь.

– Что ты мне устроишь? Проснись, дорогой! Мы с тобой на грешной земле. Кто тут прав, кто виноват, решать нам. Понял?

– Ты вчера должен был взять судьбу?

– Мне там не понравилось. Не люблю быть в женском теле. Здесь мужик и он будет мой! Понял? Поэтому...

– Ну, ты и скотина!

– Это не тебе определять. Лучше убирайся по добру по здорову.

– Уберешься ты! Потому что здесь моя Судьба. Понял?

Алёнушка тихо заплакала. Акушерка наполнила шприц и подошла к роженице.

– Иван Иванович. – Обеспокоено нарушила она тишину. – Иван Иванович, схватки прекратились.

– Ничего страшного в этом не вижу. – Промурлыкал себе под нос Иван Иванович, надевая резиновые перчатки. – Это бывает. – Он быстро, как колобок подкатился на своих коротких ногах к столу. Глянул на Алёнушку, погладил живот, и всё так же улыбаясь, начал тихо, но чётко давать указание акушерке.

В это время, между двумя плафонами разгорался бой. Верх одерживал Неприятный.

– Куда тебе, соломе, в человека? Ты и трёх слов связать не можешь! – Тринадцатый привыкший слушать, а не говорить терпел поражение перед разговорчивой душой.

– А, вот это уже не твоя забота! Я тебе вчера отдал место. Туда и порхай!

– Дружок, объясняю тебе еще раз: туда уже ни кому порхать не надо.

– Вот гад ползучий! – Всё больше злился Тринадцатый. Гроздя ненависти начали влетать в открытую форточку вместе с холодным ветром. Тринадцатый понимал, что гнев сильно мог навредить роженице, но остановиться не мог.

Акушерка вводила очередную иглу в вену Алёнушки. В операционную сбежался весь медицинский персонал родильного дома, дежуривший этой ночью. Иван Иванович командовал. В его практике, а практика его была огромна, летальных исходов не было.

Под потолком, накал страстей дошёл до своей высочайшей отметки. Неприятный напирал, Тринадцатый не сдавался. Так, они несколько томительных минут для роженицы, старались отпихнуть друг друга к открытой форточке. Вдруг, суета внизу насторожила Тринадцатого. Он посмотрел на маменьку. Неприятный поймал его настороженность и захихикал.

– Видишь, это всё за тебя. Ты здесь мешаешь.

– Не я, а ты.

– Не мечтай, я не уступлю. Или ты отсюда улетаешь, или ни мне, ни тебе. Понял! Ты лишний! Она из-за тебя разродиться не может.

– Нет, это ты во всём виноват. Вон, отсюда. – Тринадцатый так громко кричал первый раз за всё время своего существования.

Иван Иванович судорожно нащупал пульс роженицы. Алёнушка была бледная, волосы разметались, глаза ввалились, пульс прощупывался с трудом. Доктор послушал сердцебиение ребенка – ритм в норме. Но что с матерью?

Неприятный позеленел от злости ядовито – зеленым цветом и взмахнул мантией.

– Слушай, ты недотёпа, предупреждаю в последний раз, если мне сейчас не уступишь место, я её отправлю в длительный отпуск.

Тринадцатый понял, что Неприятный не шутит. Для достижения цели ему все средства будут хороши. И эта красивая, молодая женщина, без пяти секунд его мама, – умрёт. Быстро перекрестившись, Тринадцатый закричал, что было сил.

– Да, провались ты в Отстой!

В операционной стал медленно гаснуть свет. Хлопнула форточка от порыва ледяного ветра. Все замерли. Непонятный страх возник ниоткуда и за долю секунды объял всех присутствующих. И только Алёнушка в эту жуткую секунду почувствовала огромное облегчение. Новый человек, так долго бившийся у неё под сердцем, рвался на волю. Прилив сил и огромная радость густой пеленой окутала будущую мать. Она поднатужилась, и в тот же миг операционную тишину пронзил громкий крик новорождённого. Тринадцатый, не разбираясь, мальчик это или девочка, впрорхнул в маленькое тельце.

– А теснота – то какая! Это тебе не райские качели. – Охнул Тринадцатый, и замер.

Сияющий Иван Иванович радостно подпрыгивал вокруг стола.

– Ну, молодец! Ну, красавица! Ну, героиня!

– Кто там у нас? – Еле слышно поинтересовалась Алёнушка.

– У нас сын! Богатырь! Мои поздравления! – Акушерка, быстро закончив все медицинские премудрости, аккуратно положила карапуза на весы. – Вес – три сто. – Отрапортовала она и переложила новорожденного на мерный столик. – Рос – пятьдесят один сантиметр.

– А, теперь, отдыхать. И, как можно больше, красавица. – Доктор довольно потёр руки и вышел из операционной.

Тринадцатый на время ослеп и оглох. Этот период нужно было переждать. Так как он очень устал, то был даже рад отдыху. И только некоторые ощущения мешали ему расслабиться полностью. Но это были уже ощущения тела, а не души.

Отпуск

Отпуск Тринадцатого заканчивался. Со дня на день он ждал вызова в школу.

Ожидание повестки портило ему последние дни. Сама школа, как таковая, его не страшила. Он сумел выстоять, отстоять чистоту нимба на отдыхе. Угнетал другой факт – если он получит человеческий поток информации, о возвращение в чистое поле под голубое небо, следует забыть. Дружба с Меченым закончиться раз и навсегда. А, дружба была не только отдушиной, но и своеобразной школой.

Вызов пришёл на два дня раньше отпущенного срока. Небесной канцелярии было виднее, кто и сколько должен отдыхать. Вызов доставил один из мелких клерков канцелярии. Грубо ткнув повестку на мантию Тринадцатого, он развернулся, и ни слова не говоря улетел.

На повестке была чётко проставлена дата, время, корпус школы и номер качели. Пришло время собираться в школу. Тринадцатый сложил свои вещи в маленькую колбу, полученную в подарок от администрации санатория. На административной башне недремлющее Время отбило начало полдника. Заряжаться Тринадцатому не хотелось, но уклониться от установленного порядка он не мог. Каждый раз ответственные служащие дома отдыха, доносили по номерам в вышестоящие инстанции о неиспользованной Небесной Благодати. Наказанием служил карцер – тройная мера Благодати. Наказуемая душа вылетала из карцера блаженной душой. Её отправляли в Отстой садовником, спиливать рогоносцам рога.

Вспомнив это, Тринадцатый тяжело вздохнул и нехотя полетел на полдник. Впитав в себя четыре оды и два восхваления, отпускники разлетелись по интересам. Тринадцатый незаметно юркнул в любимый закоулок. Здесь, как всегда, его уже поджидал Меченый. У Меченого была ещё одна привилегия, он не посещал общие кормёжки.

– Вот, смотри, прислали.

Тринадцатый показал повестку.

– Пора, брат, пора! Хватит лентяйничать. Смотри, как на казённых харчах отъелся.

От ехидной шутки друга Тринадцатый покрылся серым цветом. Меченый выпустил из под мантии крупную гроздь хохота.

– Не обижайся, мантия лопнет. На обиженных – черти воду возят. И козых морд не строй, а то, как у чёрта рога вырастут.

– Это у тебя вырастут, если ржать, как козёл будешь. – Тринадцатый от обиды вскочил с места. Он ни как не мог привыкнуть к шуткам друга, чем доставлял Меченому огромное удовольствие.

– Дурачок. Сколько тебе объяснять? Запомни: ржут – кони, у них рога отсутствуют. А козлы блеют, так же, как ты сейчас. Козла от коня отличить не можешь? А ещё хвастался, что всю жизнь в поле на воле, – среди своих и наших.

Меченый замолчал и сердито стукнул по гроздям хохота. От хохота остался только дымок. Тринадцатый понял, что своей обидой рассердил друга. В любую минуту Меченый мог улететь, и прощание превратилось бы в ссору.

– Не сердись. – Тринадцатый слегка дотронулся мантией до нимба Меченого. – Смотри, к нам уже просочились маленькие капельки ссоры.

– Да, как же на тебя не сердиться, если ты шуток не понимаешь. Хотел тебя развеселить, поднять тебе окрас, а ты не захотел понять. Ладно, тогда попробую поднять твоё настроение по-другому. Смотри. – Он протянул повестку.

– Тебе тоже? Почему?

– Видно, кто – то из здешних угодников узнал о наших душевных беседах и донёс. А распорядок дома отдыха это запрещает. Тебе ведь тоже на три дня раньше вызов принесли?

– Да. У меня ещё три дня отдыха.

– Отдохнули, хватит. Думать надо было нимбом. Ой, прости, ты ведь у нас не грамотный. В распорядке что написано? Больше одного или меньше десяти – не собираться. Понял?

– Я понимаю, почему нельзя больше одного. А почему нельзя меньше десяти? Этого я понять не могу.

– Очень просто, из десяти всегда найдется один честный. Вовремя доложит в нужную инстанцию о неблагонадежных.

– Получается, что, не желая этого, я тебя сдал, как самый последний стукач. – От сознания своей вины Тринадцатый снова посерел.

– Слушай, дружок, если ты всегда, так на всё будешь реагировать, то быстро в карцер попадёшь. Посерел весь. Разве так можно? Надо сдерживать свои эмоции, что бы никто ни когда не видел что у тебя внутри. Можно кричать, волнения гроздьями из-под мантии выпускать, для большей важности нимб погрызть или цветами переливаться – всё можно. А правильно и нужно всё это внутри себя держать, наружу не выпускать и оставаться таким, как будто ничего не происходит.

– А как этого добиться?

– Тренировками. Начни с простой ситуации: вспомни что – ни будь неприятное и пережуй это спокойно в себе. Главное, в это время следить за своим цветом. Не выпускать на волю эмоции. Они вещи капризные – сразу вылезают и на мантию садятся. Если ты это в себе сможешь сейчас наработать, то и человеком это не потеряешь. У людской плоти забот много, ох как много. Без эмоций проблем хватает.

Тринадцатый испугано взглянул на Меченого.

– Первая и главная задача – пища. Плоть питать нужно. Чтобы вкусно поесть и сладко поспать, люди войны начинают и бьются не на кровь, а насмерть. Бывают войны крупно масштабные – от Самого Создателя. – Меченый поднял концы мантии вверх.

– Неужели, войны тоже от Самого? – Не поверил Тринадцатый другу.

– А, как же. Только тут вот такая загвоздка: люди, как бы сами просят разрешение на кровопролитие.

– Зачем?

– Очень просто. Накопилось у них много оружия – девать не куда. Не выбрасывать же? Вот, у кого его побольше и высматривает себе противника поменьше. А, потом, у Создателя запрашивает разрешение.

– И – и – и, Он, разрешает? Не верю.

– А, что не разрешить – то? Люди за свои грехи должны сами расплачиваться.

– Но ведь, и невинные люди страдают?

– А, ты, что про невинность людскую знаешь?

– Таких людей не встречал. – Категорично заявил Тринадцатый. Потом помолчал, и тихо добавил. – Считаю, что я вообще с людьми не встречался.

Разговор зашёл в тупик. Гроздья Недоверия начали скапливаться в узком проходе.

– Хорошо, ты, мне не веришь. Я, на тебя не обижаюсь за это. Сколько до отбоя?

– Два часа. – Тринадцатый посмотрел на главную башню с часами. Башня была возведена странным образом, – где бы ни находилась душа – отпускник, – она всегда могла узнать время по часам.

– У нас с тобой есть два часа на экскурсию. – Меченый достал из под мантии две бесцветные грозди. – Держи. – Протянул он одну гроздь другу. – Спрячь под нимб.

– Зачем?

– Что бы нас ни увидели санаторские шпионы. – Пояснил Меченый. Затем, ни слова не говоря, спрятал свою гроздь под нимб. Тринадцатый испугано огляделся вокруг. Меченый исчез.

– Ты, где? – Сам не зная почему, вдруг, прошептал он.

– Да, здесь, я, здесь. Делай, как я тебе велел.

– А, как же я за тобой полечу, если я тебя не вижу? – Не унимался Тринадцатый. Он не верил в чудеса, потому что ещё ни разу в жизни с ними не сталкивался.

– Когда станешь невидимым – меня увидишь.

Стоило Тринадцатому положить гроздь под нимб, как он сразу же, увидел друга.

– Вот теперь можем лететь. Сколько времени из-за твоего недоверия потеряли.

Первым в полёт пустился Меченый. Сил у него было больше, чем у Тринадцатого. Ему частенько приходилось тормозить, что бы дождаться друга.

Тринадцатый не мог понять, зачем и куда они летят. Все силы у него уходили на стремительный полёт. Напрягая силы, и достигнув нужной скорости, он так разогнался, что чуть не врезался в Меченого.

– Подожди. Прилетели. Вон видишь дымка?

– Да.

– Нам надо туда. Только осторожно. Без разговоров.

Стараясь не шелестеть мантиями, и не создавать воздушного потока, они подлетели к дымке, на которую указал Меченый. Они подлетели ближе. Тринадцатый, рассмотрев, что это целое облако душ, очень удивился.

– Что это такое? Зачем? – Нечаянно вырвалось у него вопрос.

Меченый сразу же схватил Тринадцатого за край мантии, и потащил в обратную сторону от облака. Только оказавшись на почтительном расстоянии, Меченый отпустил мантию Тринадцатого.

– Я, же, тебе сказал молчать. Ты, что хочешь, что бы нас в Отстой сослали?

– Нет.

– Тогда молчи, когда тебе велят. Потому как такое видеть нельзя.

– Ты, вот кричишь, а ничего не объясняешь. – Обиделся Тринадцатый. И, крупные капли Обиды сразу же окружили его со всех сторон.

– Прогони это нечисть. Или она тебя задушит. А, ну лети вон отсюда. – Не удержался Меченый, и сам начал прогонять Обиду. Справившись с каплями, он медленно полетел в сторону пансионата, на лету объясняя положение дел. – Понимаешь, там внизу, на земле сейчас бойня идёт. По-другому – война, значит. Убивают люди друг друга, не задумываются. Умирают на поле боя десятками, а то и сотнями. А, души в такой суматохе могут покинуть тело только по распоряжению Ангела – Хранителя. Представь, на десять человек с одним именем – один Ангел – Хранитель. Пока всех найдёшь в этой круговерти с ума сойти можно. Вот они и выбирают ночное время суток, легче работать. Ночью люди в основном спят, не воюют.

– А, если воюют?

– Тогда ночью работают. Души-то всё равно надо отправлять.

– Ясно. Но, мне от их количества страшно стало. Неужели возможно сразу столько тел загубить?

Меченый ухмыльнулся. Его поражала наивность Тринадцатого. Он ни раз за свою миссию общался с душами. Дружил с ними, вёл долгие беседы. Попадались и новички. Но не разу не приходилось Меченому встречать в душе столько наивности.

– Когда Земля – матушка от людских ног трещать начинает, – то можно и загубить. Война или мор, какая разница, если плоти слишком много. Выживут сильнейшие из сильнейших. Продолжат род людской новой, сильной плотью.

У Тринадцатого от удивления нимб съехал с мантии. Из-под него чуть не выскочила гроздь – невидимка. Он ели успел её поймать, и поправить нимб. Меченый подождал, пока друг поправит одеяние, и продолжил.

– Вообще, всё не так просто, как ты себе представляешь. Войны чаще всего происходят по воле плоти человеческой. Не умеет душа сама себя контролировать, стареет, особенно после

сорокалетнего отбывания на Земле. Ей и заветы, и указы написаны в виде шпаргалок и болезни посланы, а она всё равно себя губит и губит. Иногда, плоть такую верхушку над душой берёт, что душу за плотью уже и не видно. А потому, что плоть только и делает, что вкусно ест и сладко спит. Душе бедной становится тяжело плоть носить. Но это ты узнаешь сразу в первые дни жизни в человеке, когда любящая мамочка начнёт в твоё тело всякую гадость килограммами вливать. Ты в угоду ей будешь всё это заглатывать и толстеть, потихоньку жиром заплывать. Толстеть и лениться, жиреть и болеть. Правда, худым людям тоже не сладко в жизни. Судьбу несёшь в худосочном теле, и всё боишься за себя – как бы ненароком не выскочить. Здесь правило одно, даже не правило, а закон. Знай меру. На этот счёт в школе тебе целый реестр дадут.

Тринадцатый взволновано перебил друга.

– А ты что в школе изучать будешь? Ты и так всё знаешь.

– Я не изучать полечу, а лишнее откачивать.

– Как так откачивать?

– Смоют с нимба ненужную информацию, что бы, таких безграмотных душ как ты, не баламутил. На земле себя прилично вёл. Я столько всего знаю, что самому страшно бывает. Для меня, с моим умом на земле, в человеке, запретов не существует. Захочу – мировое пожараще устрою, захочу людям законы открою, или всё человечество нищими сделаю. А это ни как нельзя, без разрешения сверху. Всё должно быть по плану. Нарушать небесное планирование запрещено. Знаешь, сколько архангелов над планами в канцеляриях мантии просиживают?

– Нет, не знаю.

– Много. Очень много. У них работа важная, нужная. А я со своим умом им всё нарушить могу.

– А, было уже такое?

– Да. Я там люблю всякие технологии изобрести. Они пока разбираются что к чему, я полностью материализуюсь. Так что полечу я завтра на нужное дело.

– Ты что, дурачком станешь?

– Да, глупее не увидишь, не повстречаешь. Так что, пока меня не стерилизовали – учись. Потом от меня проку будет, как от петуха: своё прокукарекал, а там хоть не расцветай.

– А имя своё помнить будешь? Или всё под чистую сотрут? Хотел бы я на тебя нового посмотреть.

– Всё я помнить буду, всё. – Вдруг, весело заверил Тринадцатого Меченый, и прибавил скорость.

За разговорами, Тринадцатый не заметил, как они вернулись в пансионат. Меченый снял нимб. Гроздь – невидимка плавно выскользнула вверх, и незаметно растаяла. Тринадцатому ничего не оставалось делать, как тоже стать видимым. И, тут только Тринадцатый понял, как задел друга разговор. Мантия Меченого окрасилась всеми цветами небес.

– Это в первый раз им удалось из меня болвана сделать. Теперь у них ничего не получится. У меня на их хитрости свои премудрости придуманы.

Злость, Раздражение, Ненависть – пузырьками крутились вокруг мантии Меченого. Потерпев их присутствие некоторое время, Меченый смёл гадкие пузырьки одним взмахом мантии.

– Тебя тоже должны были почистить после кота, но ты в картотеку не занесён. Пробел в работе клерков канцелярии.

– Я ни в чём не виноват.

– Тебя никто ни в чём не винит. Но без смыва нельзя. Всё кто здесь сейчас отдыхаю, обязательно пройдут смыв памяти. У них сначала направление в дезкабину, а затем в школу, как у меня. А у тебя повестка чистая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.